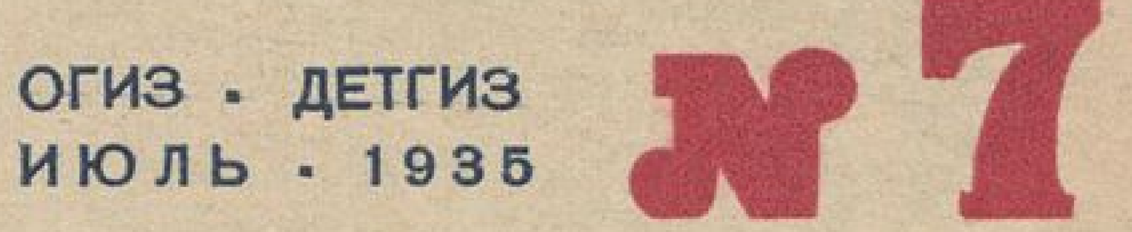
МУРЗИЛКА

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ИЮЛЬ 1935

№ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ДЕТГИЗ Адрес: Москва, Б. Черкасский, 7. Тел. 71-86

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке снимок с картины „ЦВЕТЫ“ — худ. П. П. Кончаловского. Эта картина подарена VII Съезду Советов

В двенадцать часов ночи в Москве вдруг слышались песни. Это выходили из-под земли после работы метростроевцы. Это уходила под землю с лопатами и кирками новая смена. Это пели от Сокольников до Смоленской и до Крымской московские комсомольцы на Метрострое.

Строить метро было трудно. Земля в шахтах вдруг обваливалась, вдруг плыла.

Но вся Москва помогала строить. Московские большевики посылали на стройку лучших товарищей. Заводы отдавали лучших комсомольцев. Девушки-бетонщицы, откатчицы, проходчицы просили: „Дайте нам самую опасную работу. Мы — ударницы похода имени Кагановича".

Товарищ Каганович проходил по рабочим участкам ночью и днем. На летучих митингах в шахтах он говорил: „Будем работать по-сталински. Дадим метро в срок. Дадим Москве лучшее в мире метро".

Он спускался под землю, в тоннели, и проверял кладку бетона: не попала ли глина, не подвернулась ли щепка? Он советовал: бетонировать быстро, чтобы земля не осела, бетонировать прочно, чтобы не было сырости. Он говорил: построим так, чтобы воздух был чистый, чтобы трудящиеся в метро отдыхали.

Он поднимался в общежития и смотрел: хорошо ли работает душ? Чисто ли в спальнях? Получили ли ударники билеты в Большой театр? Он поглаживал мраморные плиты. Он рассказывал:

„Раньше только богачи пользовались мрамором, а теперь власть наша, рабочая, крестьянская. Это наши мраморные колонны, советские, социалистические!"

Ему показывали чертежи вагонов. Вагоны были хорошие, вместительные. Но только вагоны были жесткие, — так строят метро в других странах.

Он говорил:

„Нет, у нас вагоны будут мягкие, чтобы трудящимся доставить отдых и радость".

Так учил, и помогал, и строил метро „главный прораб" Метростроя — товарищ Каганович.

Наконец, метростроевцы вывезли из-под земли последнюю вагонетку. На ней было написано: „Наша победа".

Наконец, положили последнюю плитку облицовки.

Наконец, в газетах появился приказ:

Открыть московский метрополитен для всеобщего пользования с 7 часов утра 15 мая 1935 года.

Народный комиссар путей сообщения Л. Каганович

Тогда вся Москва спустилась под землю, в тринадцать подземных дворцов. И новые кассы выдали первые билеты первым пассажирам. И первые вагоны, гладкие, зеленые и желтые, мягкие, широкие, покатились под улицами, под Москвой.

250 метростроевцев получили в награду орден Ленина, и орден Красной звезды, и Красного Трудового знамени, и почетные грамоты. На радостном собрании в Колонном зале товарищ Сталин предложил:

Всем остальным объявить благодарность, а московскому комсомолу за особые заслуги дать орден Ленина.

Девушки кричали: „Комсомольское ура товарищу Сталину!"

И в торжественной громкой речи товарищ Каганович сказал:

— Мы не строили — мы воевали! Мы победили!

Первым рейсом

А. Некрасов
Худ. А. Ермолаев

Моряки не любят бегать. А под землей все куда-то торопились. От машин стоял шум. Под ногами мешались бревна, железные трубы, провода. Яркие лампы слепили глаза. Было холодно — градусов двадцать мороза, не меньше.

— Ну, как, нравится? — спросил бригадир и повел Володю Седова в глубь тоннеля.

— А что тут может нравиться? — ответил Володя. — Ковыряетесь в земле, как кроты. Грязища, теснотища, и главное — холодно. Белый медведь, и тот не выдержит — простудится. Хоть бы вы печку поставили.

— Вон чего захотел! — засмеялся бригадир. — Дай срок, у нас будет лучше вашего парохода. А пока нарочно морозильный завод поставили. Здесь земля жидкая, как кисель, ее только мороз и держит. Оттает — сразу зальет.

В конце тоннеля, в забое, четверо рабочих долбили землю. Что-то шипело, свистело и фыркало.

— Вот, ребята, к нам новичок пришел. Парень подходящий. Надо из него проходчика сделать, — сказал бригадир и ушел.

Володю обступили со всех сторон: как зовут, откуда, сколько лет? Потом один проходчик спросил:

— С молотком умеешь обращаться?

Володя даже обиделся: кто с молотком не умеет обращаться! Он так и сказал:

— Давай молоток, покажу!

— Ну, покажи, — сказал проходчик и подал Володе какую-то штуку, вроде большой железной бутылки. От бутылки шла резиновая трубка.

„Смеются“, подумал Володя.

— Да нет, правда! Это — отбойный молоток называется. Хоть у кого спроси! — закричали со всех сторон. — Он сжатым воздухом работает. Вот, держи. А теперь нажми на эту ручку.

Володя нажал. Молоток фыркнул, долото забилось, задрожало.

— А теперь вот так, — сказал другой проходчик, воткнул долото в землю, запустил свой молоток, навалился на него плечом и отломил большую глыбу.

Володя тоже навалился и тоже отломил.

— Ну, вот ты и проходчик! — засмеялись ребята и опять принялись за работу.

На другой день Володю поставили на работу в забой.

Другие проходчики работали изо всех сил. Они торопили друг друга и радовались, что за день прошли лишние полметра. Бригадир объяснял, показывал, как лучше работать.

— А ну, шахтеры, — весело покрикивал он, — смотрите, как бы соседи нас не обогнали.

И все нажимали на молотки наперегонки друг с другом.

Володе такая работа сначала понравилась. Ему нравилось, что земля перед ними отступает. Но прошло несколько дней, а впереди стояла все та же земляная стена. Попрежнему грохотали вагонетки. Каждый новый день был похож на вчерашний. Володя понемногу стал сдавать в работе.

А тут он узнал, что из Одессы уходит пароход в кругосветное плавание. Его потянуло назад, на море. На море, что ни день, новые места, новые люди, новые приключения.

Он работал, а сам только и думал про плавание, и с каждым днем работа у него шла все хуже и хуже.

Сначала ему ничего не говорили. Думали, что он сдал с непривычки. Но однажды в забой пришел бригадир и сказал Володе:

— Слушай-ка ты, моряк! Зайди после обеда в комитет.

Володя зашел.

— Что ты, Седов, не справляешься, что ли? Может быть, на другую работу перевести? — спросил заботливо бригадир.

— Справиться нетрудно, — ответил Володя, — а только скучно мне здесь, назад на море хочется. Уж больно мы медленно плаваем.

— Ах, вот оно что! — засмеялся бригадир.— Заскучал? Погоди малость, скоро на полный ход пойдем. Немного пройти осталось. Через десять дней шахты встретятся.

Володя вернулся в шахту. Там было по-старому, попрежнему стояла стеной порода, упорная, твердая, непроходимая. И Володя не мог поверить, что где-то, навстречу им, с таким же упрямством идет другой отряд комсомольцев. Ему казалось, что, сколько ни долби, конца не будет.

За обедом, когда все сели за стол, один проходчик вдруг сказал:

— Ребята, а моряк-то болен совсем.

— Ну да! Что с ним? — спросил другой.

— Бригадир говорит: морская болезнь — мигрень: есть охота, а работать лень.

Все рассмеялись, а Володя обозлился.

„Ладно,—подумал он,—я им покажу, как моряки работают".

Через несколько дней бригадир как-то зашел в забой, посмотрел, как Володя отворачивает глыбу за глыбой, и сказал другому проходчику:

— Ну, кажется, починили парня, шахтером сделали. Гляди, как работает. Прямо не Володя, а ледокол „Седов".

●

Однажды в забое случилась беда.

Володя шел впереди всех. Вдруг что-то затрещало, ухнуло, застонало. Все побросали молотки, кинулись бежать. Володя тоже побежал, но споткнулся и упал. Стало темно. „Вот тебе и кругосветное!" подумал Володя. Он все ждал, что сорвется сверху глыба и накроет его. Но сверху сыпались только крошечные кусочки земли.

Володя встал и ощупал все кругом. Оказалось, что он сидит в маленькой земляной пещере.

Володя прислушался. Шум из тоннеля едва-едва проходил через землю. Значит, здорово засыпало. А сверху откуда-то капало. Капля за каплей: кап-кап-кап...

Это было самое страшное. Прорвется вода и зальет пещеру. Володя схватил молоток и стал бить им, как ломом. Твердая земля не поддавалась, но он все бил и бил, пока совсем не измучился. Тогда он опять бросил молоток и сел.

Не откопают! По свежему обвалу копать опасно.

„Это не моряки. Моряки — те из любой беды выручат", думал Володя.

И тут вдруг услышал — далеко-далеко точно кузнечики стрекочут — работают молотки. Потом громче... громче...

Тогда он стал плясать. Не потому, что обрадовался, а чтобы не замерзнуть.

„Откапывают, вот молодцы!“ обрадовался Володя. И опять схватил молоток и опять начал бить землю. Так и теплее стало и хоть немножко, а все-таки скорее.

Вдруг земля посыпалась, и в пещеру ударил свет.

●

— Ну, как, ледокол, оттаял? — спросил бригадир, когда Володя пришел в себя.

— Оттаять недолго, — ответил Володя, — а ты мне вот что скажи: откуда вы знали, что я жив?

— Да мы и не знали, только у нас, у шахтеров, такое правило: никогда товарища не бросать. Жив — не жив, а найти надо. А сейчас ступай домой, завтра и послезавтра не выходи на работу — тебе отдохнуть надо, а то ты сейчас у нас пуганый.

На другой день Володя проснулся вместе со всеми, но он нарочно натянул одеяло на голову и притворился, как будто спит. Ему стыдно было смотреть в глаза товарищам. Ему стыдно было, что он плохо о них думал. Они теперь опять идут в шахты, а он остается отдыхать. Потом, когда все ушли, и он пошел, только не работать, а просто побродить по городу.

На улицах все куда-то торопились, у каждого было свое дело.

Володя бродил без цели и незаметно пришел к шахте. Только это была не их шахта, а соседняя. Из той шахты вел тоннель им навстречу.

Володя решил спуститься и посмотреть, как работают соседи. Спустился, и сразу ему показалось, что случилось что-то необыкновенное. Вагонетки стояли, было тихо, и люди из тоннеля куда-то пропали. Только из самой глубины, от забоя, доносились голоса и песни. Володя бросился вперед. Он легко перепрыгивал через доски и через провода и, наконец, увидел: навстречу идут шахтеры с молотками на плечах, со знаменем.

— Вот кстати, — сказал, подходя, бригадир, — а то тебя одного и нехватало. Мы сегодня с утра сбойку сделали, а сейчас всей бригадой к соседям в гости идем.

Потом опять все запели и пошли дальше. Володя тоже шел и тоже пел.

Он шагал и хозяйским глазом глядел по сторонам, потому что и тоннель и знамя, которое несли впереди, и весь этот праздник, — все это было его. Он как-то сразу почувствовал это. Ему стало совсем не стыдно смотреть в глаза товарищам.

— Эх, ледокол! Чуть не забыл совсем, — хлопнул его по плечу бригадир. — Письмо тебе, на-ко!

Володя повертел письмо в руках и сунул в карман.

— Что не читаешь? — спросил бригадир.

— Успею, не до того сейчас.

И только когда уже вышли из тоннеля, Володя разорвал конверт и стал читать. Это было письмо от приятеля, который пошел на том пароходе в кругосветное плавание.

— Ну, что пишут? — спросил бригадир.

— А вот, — сказал Володя и прочел:

„Побывали в Африке, в Италии, во Франции, в Америке и в общем обошли вокруг света“.

— Небось, завидуешь? — спросил бригадир. — Ну, не горюй, успеешь еще, поплаваешь.

— А чего завидовать? — сказал Володя. — Прошли вокруг света! Подумаешь, проходчики. Магеллан четыреста лет назад прошел, и то ничего. Вот мы прошли, так прошли: от Охотного до Манежа, зато уж первым рейсом. Ничего не скажешь.

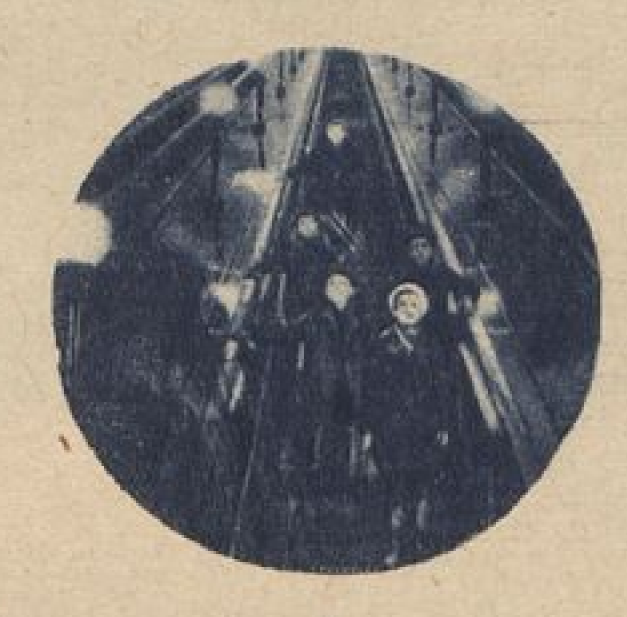

Песенка

Стихи Н. Саконской

Есть такое чудо,
о нем твердят повсюду,
придумано не худо,
устроено хитро:
плывет и не качается,
бежит и не кончается.
Где такое чудо?

На мет—ро!

Есть такие двери,
особенные двери:
разиню и тетерю
не пустят на порог;
поезд отправляется,
сами закрываются.
Где такие двери?

На мет—ро!

Есть такие залы,
гранитные кварталы,
подземные вокзалы
блестят, как серебро.
С просторными перронами,
с высокими колоннами.
Где такие залы?

На мет—ро!

Есть такие люди,
настойчивые люди.
Они сказали: „Будет
сдана работа в срок!"
Проходчики, бетонщики,
забойщики, кессонщики...
Где такие люди?

На мет—ро!

ПОД ОБВАЛОМ

Сзади в штольне что-то затрещало. Вдруг доски выгнулись, столбы качнулись, и земля с грохотом обрушилась. Яремчук отскочил. Минуту назад перед ним был свободный проход в нижнюю штольню. Теперь темные глыбы земли лежали так, будто никогда комсомольская бригада Яремчука не пробивала здесь подземного хода.

Яремчук обернулся. Он увидел побледневшие, испуганные лица. Все молчали. Всем было понятно: проход в нижнюю штольню закрыт.

— Сверху,— сказал Яремчук, —раньше, чем через две недели, не прорыть.

Кто-то тяжело вздохнул.

— Давайте начинать отсюда, — сказал Яремчук.

Никто не ответил. Под сводами грозно потрескивали доски.

— Ну, кто со мной? — повторил Яремчук и посмотрел по очереди на своих шахтеров.

Вперед вышел Шахудинов, старый шахтер-проходчик. Он стал разбивать киркой твердые глыбы земли. Вдруг его отбросило в сторону.

— Ток! Здесь провода! — закричал он.

Тогда вышел вперед рабочий Шупов.

Он медленно взял лопату и долго смотрел на нее. Видно было, что он колебался. Он знал, как опасно рыть землю после обвала.

— Не надо, Шупов,—сказал Яремчук.— Пойду я. У тебя двое детей.

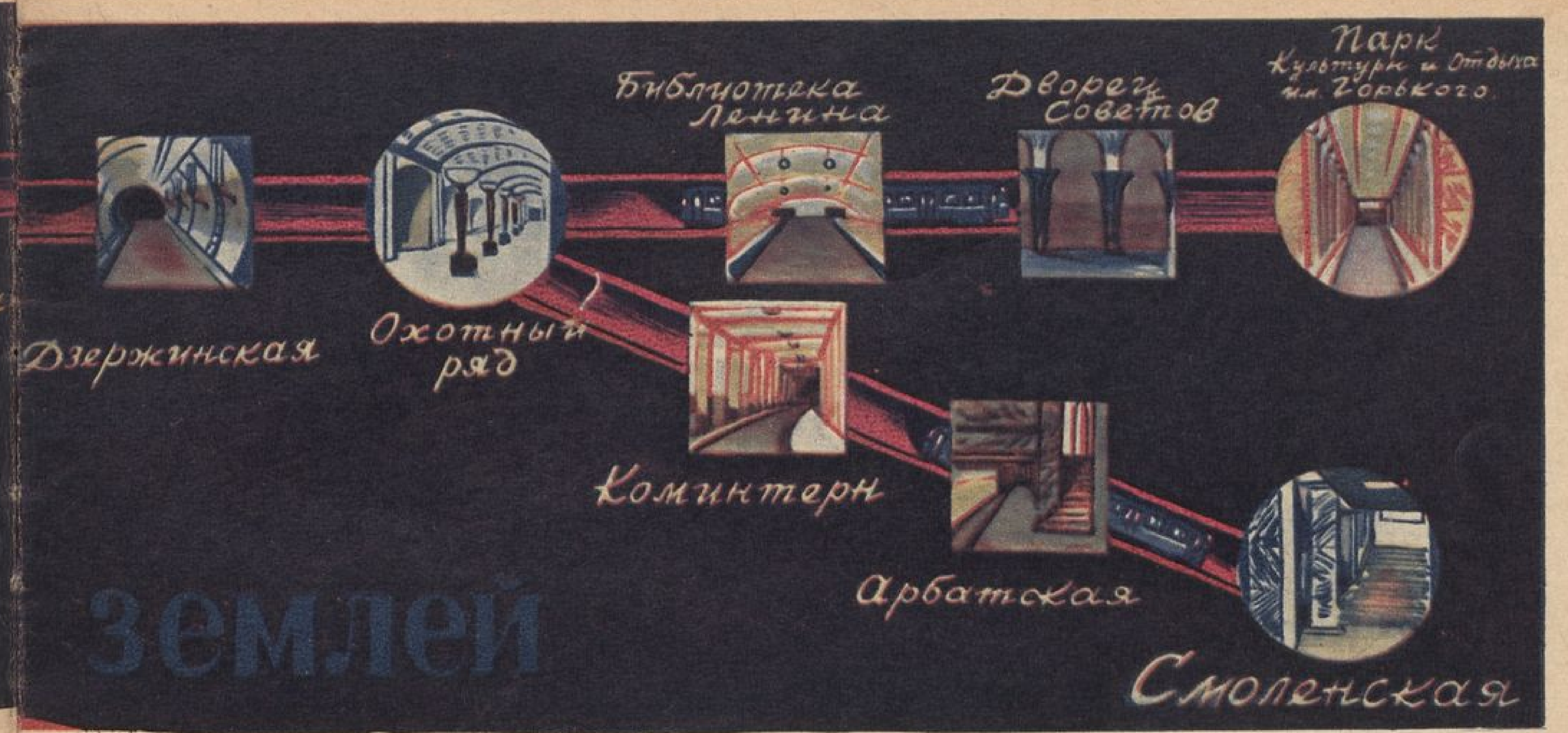
Яремчук взял кирку. За ним двинулся комсомолец Васин. Они вдвоем стали пробивать лазейку в обвале. Яремчук лег ничком и пополз в дыру.

— Держи меня за ноги, — сказал он Васину. — Если земля завалится — тащи!

И в эту минуту земля охнула и засыпала Яремчука. Его вытащили из-под обвала. Он лежал на земле без чувств. Очнувшись, он увидел, что вся комсомольская бригада теперь работала, позабыв о страхе. Одни дробили и оттаскивали в сторону земляные глыбы, другие рыли землю, закрепляли столбы и доски, и никто больше не прислушивался к зловещему треску досок.

Через несколько часов проход в нижнюю штольню был открыт.

Когда работа на метро была закончена, Яремчук был награжден орденом Ленина.

А. Гольдберг. Худ. В. Щеглов

ПО ПОЯС В ВОДЕ

Смена закончила работу.

Но бригадир проходчиков Алексей Холод не поднялся на-гора. Третью смену он не вылезал из шахты. Его бригада проходила в эти дни самый трудный участок: тоннель прокладывали под домами, где шли водопроводные трубы. Малейшая неосторожность — и могут погибнуть шахта и люди, могут завалиться дома. Комсомольцы торопились пройти это место.

— Отдохну здесь, — решил Алексей и прикорнул на скамейке в комнате подземного партийного комитета.

В шахте трещали отбойные молотки. Ухали кувалды, забивая крепление. Алексей спал — ему не мешал шум шахты.

Вдруг кто-то тронул Холода за плечо. Он вскочил. Перед ним стоял секретарь партийного комитета.

— Вода! В твоем забое вода! — отрывисто сказал он.

В шахте было тихо. Вдали глухо звучали взволнованные голоса. И вдруг Алексей услышал шелестящий шум воды. Он бросился в глубь штольни к своему забою. Навстречу ему с рокотом катился темный водяной поток. Ледяная вода ударила по ногам, охватила колени. В забое, по пояс в воде, двигались шахтеры. Вода хлынула внезапно, неизвестно откуда. Она просачивалась сквозь щели меж досок, она текла потоками отовсюду. В одном месте она бурлила и ревела, как водопад. И тут Алексей догадался, откуда прорвалась вода.

Он схватил топор и, защищая рукой лицо, бросился к водопаду. Вода со всей силой обрушилась Алексею на голову. Холод пошатнулся, но удержался на ногах. Он взмахнул топором и стал прорубать дыру в креплении. Здесь, в темноте, он нащупал чугунную трубу, пробитую насквозь. Из нее хлестала вода. Резиновой втулкой Алексей заткнул пробоину.

К концу смены насосы выкачали воду из шахты. Теперь можно было подняться наверх, обсушиться, поспать. Холод подумал, поглядел на свой забой и пошел в комнату подземного парткома

— Отдохну здесь, — пробормотал он, — вернее будет.

Когда построили метро, бригадир-проходчик Холод был награжден орденом Трудового Красного знамени.

ВЕЧЕРИНКА

Громко играл шумовой оркестр. Две Маруси-проходчицы в расшитых костюмах отплясывали. Шумно и весело было на вечере ударников-шахтеров. Вдруг позвонил телефон. Володя бросился к аппарату.

— Аварийная бригада? — прозвучал хриплый голос. — Немедленно в шахту.

Володя оглянулся. Никто уже не плясал. Все смотрели на него.

— Немедленно в шахту, — повторил бригадир слова инженера.

Все бросились было одевать спецовки, но снова тревожно зазвонил телефон.

— Пойдем так, — решили девушки, и аварийная бригада в праздничных костюмах двинулась в шахту.

Вагонетки стояли посреди пути. Люди тащили куда-то провода, ведра, трубы.

— Комсомольская аварийная есть, — сказал Володя инженеру. — Что случилось?

Инженер изумленно посмотрел на нарядных девушек и парней. Потом он махнул рукой и крикнул:

— В шахту прорвался плывун!

Володя хорошо знал, что такое плывун. Жидкий песок, как трясина, колышется под землей. Известняки и глина не дают ему двигаться. Холодильные машины замораживают землю, чтобы удержать плывун. Но плывун находит отверстие в мерзлой породе и со всей силой устремляется в шахту. Он словно тиной затягивает забой.

— За мной, ребята! — скомандовал Володя, схватив ведро. Он побежал вперед и тут же по колени провалился в песчаную жижу. „Прощай новые ботиночки“, подумал он и двинулся дальше. Он зачерпнул ведром и передал Марусе. Она стояла рядом, и рукава ее кофточки белели над песком. Маруся передала ведро дальше по цепочке. И вдруг вторая Маруся звонко запела. Ведро быстро и весело запрыгало из рук в руки. Бадьи с жидким песком одна за другой побежали наверх. Но плывун не убывал. он наступал на шахту.

Тогда шахтеры стали забивать в землю шпунты и бревна, стали сколачивать доски. Они загородили плывуну дорогу. Он больше уже не полз в шахту.

Шахтеры знали: день и ночь работает холодильная машина, постепенно жидкий песок покроется ледяной корой и отвердеет. Тогда придут проходчики.

Отбойные молотки с треском вонзятся в лед. Шахтеры отколют глыбы отвердевшего плывуна. Накладчики наполнят вагонетки. Плывун будет побежден.

Аварийная бригада вышла из шахты на рассвете. Было уже совсем светло и очень холодно.

— Давайте споем, — предложила Маруся вторая, и они шли по улице и пели и приплясывали.

ДЕВУШКА В КЕССОНЕ

— Девушкам нельзя работать в кессоне, — строго сказал врач и посмотрел на Веру поверх очков.

— А я все-таки буду, — решила Вера и сдвинула на затылок широкую шахтерскую шляпу.

В шахте она стала грузить породой вагонетку. Вера была очень сердита; лопата, словно птица, летала в ее сильных руках. Мимо прошла смена кессонщиков.

— Что, не пускают? — подразнил один из них.

Вера ничего не ответила.

Она знала: работа в кессоне трудна. Большая металлическая камера кессона устанавливается в шахте, в зыбких плывунах. Через трубы в камеру идет сжатый воздух. Он вгоняет в глубь земли воду из плывуна и осушает песок. В камере, дыша сжатым воздухом, работают кессонщики.

Это была тяжелая работа. Но Вера была сильная девушка. И все-таки Веру не пускали в кессон. Она так злилась, что парень-откатчик взмолился:

— Не кидай ты так быстро: я таскать вагонетки не поспеваю!

И вдруг в кессоне что-то случилось

Засуетился техник, потом кого-то повели, поддерживая под руки.

— Надо срочно заменить больного, — на ходу сказал техник.

— Я пойду! — крикнула Вера и бросилась к кессону. Она вошла в предварительную камеру и осмотрелась.

„Ничего особенного, — подумала она, — только пугали, что трудно“.

Она взяла лопату и вдруг почувствовала, что ей нечем дышать. Это стал поступать сжатый воздух. В ушах звенело, разноцветные круги плыли перед глазами. Вера пошатнулась.

— Три нос! Три нос! — закричал техник и подхватил Веру.

— И зачем девчонок пускают? — сказал один из кессонщиков.

Вера так и рванулась из рук техника. Он не удержался и вместе с ней шлепнулся в скользкую жижу. Они оторопело посмотрели друг на друга, грязные и смешные. Глядя на них, смеялись кессонщики. Вера вскочила и сказала:

— Ничего, товарищ, — это я просто немного испугалась.

Она стала тереть нос. Звон в ушах скоро прошел. Тогда она взяла лопату, вошла в кессон и стала рыть просушенный песок. И даже самые опытные кессонщики не могли поспеть в работе за ней.

ПОДЗЕМНЫЙ КОМБАЙН

К шахтеру Зыбину приехал из колхоза младший брат Петр. Давно братья не видались.

— Зря ты деревню на Москву променял, — сказал Петр. — Что с деревней стало, не поверишь! Машин у нас много. Я теперь на комбайне работаю. Сяду на свою машину, запущу — пошел комбайн по полю пшеницу косить; барабаны трещат — хлеб молотят, чистое зерно из жолоба сыплется — только мешки успевай подставлять. Вот как у нас. А ты здесь, в Москве, как крот, в земле роешься. А еще старший.

Зыбин хотел было ответить брату, но промолчал.

Вечером повел он Петра в город.

— Пойдем со мной, шахту посмотришь. Я для тебя пропуск взял.

Пошли.

Подъемник спустил братьев в шахту. Они шли сгибаясь, чтоб не ушибиться о трубы, провода и доски. То и дело попадались лужи. Мимо с грохотом катились вагонетки. Трещали отбойные молотки.

— Ванюша, а Ванюша! — сказал Петр. — Поедем-ка, братишка, со мной, обратно в колхоз.

Но Зыбин снова не ответил. Он взял Петра за руку и повел его в сторону, через боковой проход. И вдруг Петр увидел широкий тоннель. Стены, потолок и пол тоннеля были из серого бетона. Яркие электрические лампы освещали тоннель. В конце тоннеля стояла круглая, как труба, машина.

Зыбин с бригадой подошел к машине. Шахтеры заняли свои места на машине. Одни откалывали отбойными молотками породу, другие нагружали и увозили вагонетки с камнями, землей и песком. Зыбин повернул вентили, и тотчас машина медленно двинулась вперед. Она укладывала прорытый тоннель большими железобетонными плитами.

Петр во все глаза глядел на машину. Она медленно двигалась, оставляя за собой готовый, широкий, бетонированный тоннель.

За смену тоннель стал длиннее почти на метр.

После смены Зыбин сказал брату:

— Это тоннельная машина — щит.

Петр задумался. Наконец он сказал:

— Я мыслю так. Оба мы с тобой работаем одинаково. Я комбайнер, и ты комбайнер. Только мой комбайн на земле, а твой — под землей.

В МО

Так ездили раньше

ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
имп. ЕКАТЕРИНЫ II
1785 г.

§106 ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ дозволяется ездить по городу в карете парою.

112 ВТОРОЙ ГИЛЬДИИ дозволяется ездить по городу в коляске парою.

119 ТРЕТЬЕЙ ГИЛЬДИИ запрещается по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади.

135 ИМЕНИТЫМ ГРАЖДАНАМ дозволяется ездить по городу в карете парою и четвернею.

145 ПОСАДСКИМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ездить в карете и на двух лошадях.

Это приказ о том, кому и как разрешалось ездить по Москве. Он был издан двести лет тому назад царицей Екатериной.

1. В таких возках ездили знатные бояре триста лет тому назад.

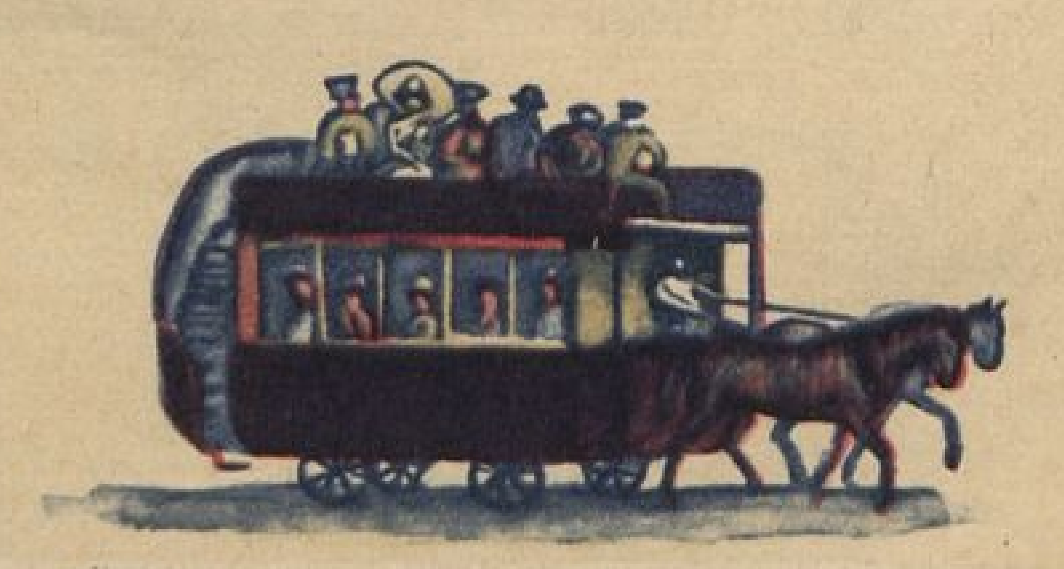
2. Это золоченая карета богатого вельможи. Так ездили двести лет тому назад богачи.

3. А это линейка первых извозчиков. Они появились сто пятьдесят лет тому назад.

4. Сто лет тому назад московские извозчики ездили уже на пролетках.

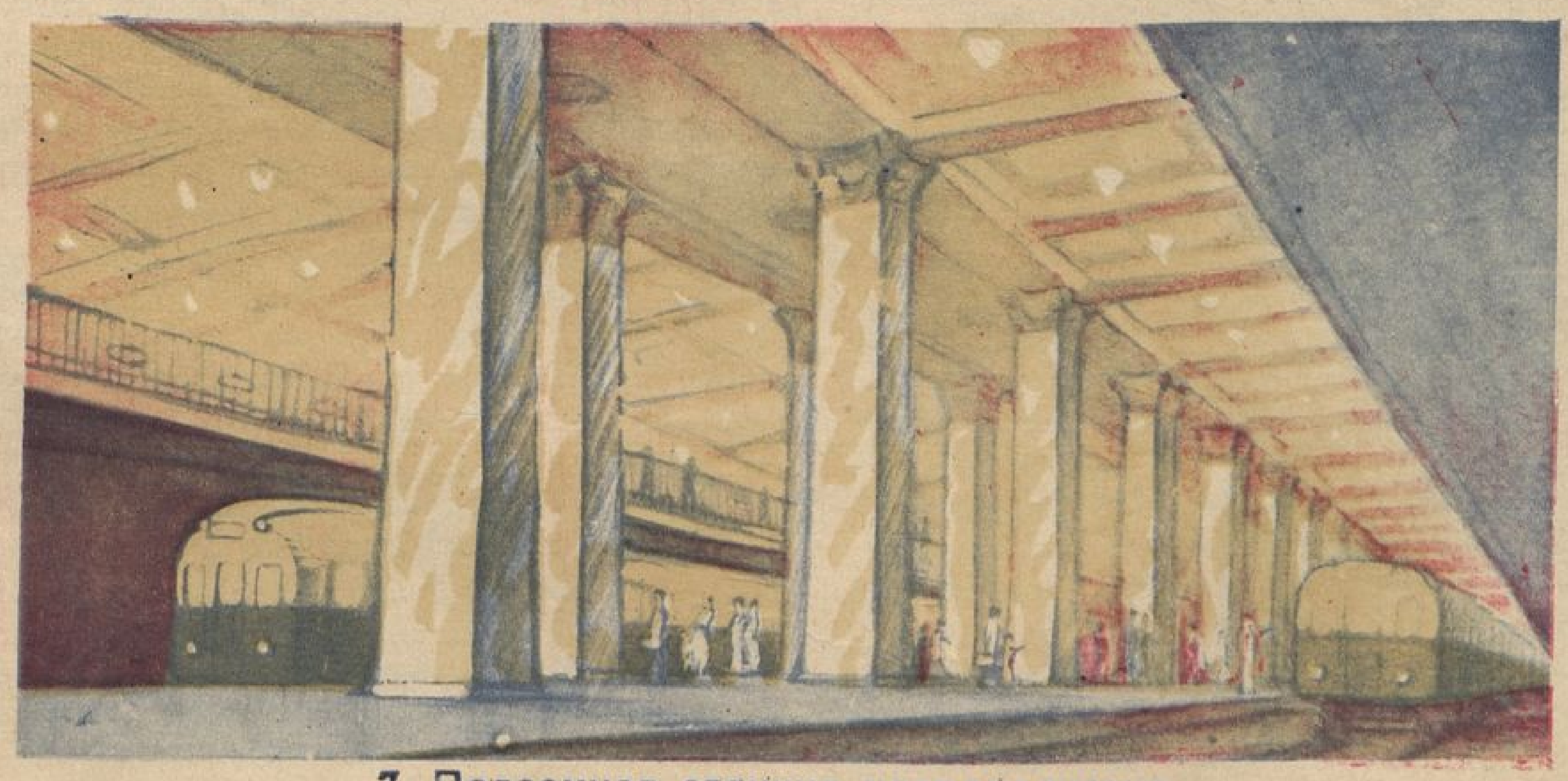
5. Это конка. Она похожа на трамвай, но только без мотора. По рельсам ее тащили лошади. Так ездили пятьдесят лет тому назад.

Так ездят теперь

худ. Б. Берендгоф

6. Охотный ряд в Москве в 1935 году.
Автомобили. Автобусы. Троллейбусы. Трамваи.

7. Подземная станция метрополитена.
Комсомольская площадь.

Бабушкин сундучок

Худ. М. Михаэлис. Я. Тайц

Так жили тихо, мирно. Папа уходил на работу, мама — на службу, Ирка — в школу. И вдруг появилась бабушка. Она приехала из Москвы, стала всех обнимать и жалобно сказала:

— Мне бы только в уголок сундучок поставить!

И что-то в ней зазвенело.

Папа с извозчиком втащили сундучок. Вот так сундучок! Занял полкомнаты. Бабушка на нем стала жить: и ест на нем, и спит...

— Мне на нем хорошо,—говорила она.— Мой сундучок, не чужой!

Она ходила по комнате и все чем-то позванивала.

Раз Ирка спросила:

— Бабушка, что в тебе звенит?

— Пойдешь со мной, — ответила бабушка и показала рукой в окно на церковь, — тогда скажу.

Ирка надулась, не пошла и рассказала папе. Ох, тот разозлился.

— Вот снимут церковь, не будете портить ребенка поповскими придумками!

Бабушка зазвенела:

— Что ты, что ты, сынок?

Но папа правильно сказал.

Раз Ирка пришла из школы, а бабушка лежит на сундуке и ворчит, и ворчит... Ирка посмотрела в окно. Рабочие в фартуках залезли на церковь и блестящими ломами долбили толстые стены. Сыпалась штукатурка, падали кирпичи, гремело раззолоченное железо. А бабушка на сундуке бормочет:

— Господи, покарай безбожников!

— Мамаша, — сердился Иркин папа, — прошу вас не пугать ребенка старинными словами!

Но Ирка вовсе не пугалась. Ей было только немного жаль бабушку. Она сказала:

— Бабушка, не надо, бабушка! Может, на этом месте построят что-нибудь хорошее.

А бабушка все ворчала. Уже и церковь давно всю разобрали, и дом начали на том месте строить. Бабушка недоверчиво посмотрела на горы песка, извести и кирпичей и стала шарить у себя под кофтой. Тут-то и открылась тайна звона. Под кофтой висела громадная связка ключей.

Бабушка выбрала ключ, открыла сундук и стала перебирать свое богатство: салопы, кринолины, страусовые перья, связки писем, облезлые муфты, сумочки из бисера... В комнате запахло нафталином. Ирка чихнула раза четыре и спросила:

— Бабушка, откуда у вас столько ключиков?

Бабушка стала перебирать ключи и будто ласкала их:

— Эти вот, деточка, буфетные. А эти — от комода, что в спальной стоял. А вот пяток гардеробных. Эти от тумбочки из гостиной и от горки. Два от шифоньера. Этот, беленький, от кабинетной конторки. А те, длинные, то все сундучные. Разве у меня один сундук был? — Она вздохнула. — Эти от кладовой, от сарайчика от подвала, от чердака. А вот два больших — один от черного хода, другой от парадного...

Она нагнулась к сундуку и достала потертый плюшевый альбом с фотографиями:

— Вот какой у меня домик был, Ираида! Сама себе хозяйка была.

Ирка увидела на карточке серый дом, с маленькими темными окнами, с низенькими дверями. А бабушка вытащила из сундука пачку пожелтевших писем и развязала ленточку:

— Смотри, Ираида, как мне раньше писали!

Письма ворохом посыпались, и на каждом было написано: „Госпоже Грибковой, Зарядьевская улица, собственный дом“.

А на некоторых было даже так:

„Зарядьевская улица, собственный дом, госпоже Грибковой, в собственные руки“.

— Бабушка, — сказала Ирка и потрогала ключи, — дайте мне ключики... Они вам не нужны, а мы играть будем!

Бабушка обиделась и со звоном спрятала всю связку под кофтой.

А за окном звенели железные балки, стучали топоры, гудели грузовики — строили новый дом. Белый церковный кирпич пошел на фундамент, а стены складывались из нового. Рабочие клали кирпич за кирпичиком, кирпич за кирпичиком, и выходила ровная стена. Утром Ирка встанет — стены такие, а к вечеру — вот такие! К концу лета уже можно было понять, какой будет дом. Ирка радовалась, а бабушка ворчала:

— Этакую махину затеяли! У них кирпича нехватит!

Зимой перестали строить, дом завалило снегом; он стоял печальный, голый; в громадных пустых окнах свистел ветер. Бабушка ворчала:

— Что, говорила я, нехватит у них материалу!

Но весной рабочие вернулись, и опять пошла работа. Снова зашумели люди и машины. Дом все рос и рос. Настилали полы, навешивали двери, вставляли стекла, проводили трубы. Наконец, к осени дом был совсем готов.

— Ну, что, — сказала Ирка, — видите, какой красивый дом.

Бабушка посмотрела на гладкие стены, на широкие окна, на высокие колонны, зажмурилась и вздохнула.

— Может, и красивый, только я не понимаю, Ираида, чего ты-то радуешься! Дом-то ведь не твой!

Ирка растерялась.

— А все-таки лучше вашего бывшего, — крикнула она, — кургузого!

— И все-таки не твой! — ответила бабушка.

Они крепко поссорились, даже перестали разговаривать. Ирка, обиженная, легла спать. А утром в новый дом уже перебирались жильцы. Подъезжали машины с вещами. Два мальчика прыгали перед домом и пели:

— Какой красивый дом! И мы в нем заживем!

Их отец, высокий рабочий в кепке, держал большой узел и весело покрикивал:

— Стулья таскайте, шельмецы, помогайте отцу!

Ирка набралась храбрости, выскочила на улицу и подошла к рабочему в кепке.

— Дяденька, — вежливо спросила она, — скажите, пожалуйста, чей это дом?

— Чей? — удивился рабочий и опустил узел на землю. — Ну-ка, ребята, скажите ей, чей этот дом!

Мальчики запрыгали:

— Это всехний дом! И мы в нем живем!

— Государственный, — заявил рабочий, — всем принадлежит, значит!

— И мне? — спросила Ирка, оглядывая дом.

— А как же? Раз всехний, — улыбнулся рабочий и поднял узел, — значит и твой. — И понес узел в свой новый дом.

Ирка, веселая, веселая, помчалась домой. Ей хотелось сказать бабушке про дом, но они ведь поссорились. Тогда она написала бабушке письмо:

„Этот дом всехний, значит и мой. А ваш нет. А ключи можете выбросить, раз нечего отпирать. А если будете говорить плохое про мой дом, я папе скажу“.

И, вспомнив старинные письма из сундука, адрес написала так:

„Бабушке Грибковой в собственные руки. Народная улица, собственный сундук“

И тихонько положила письмо бабушке на сундук.

Стихи А. С. Пушкина

Великий русский поэт
Александр Сергеевич Пушкин.
Родился в 1799 г., умер в 1837 г.

Отрывок из романа „Евгений Онегин".
Эти стихи написаны
более ста лет тому назад.

...Пошел! Уже столпы заставы
белеют; вот уж по Тверской
возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
мальчишки, лавки, фонари,
дворцы, сады, монастыри,
бухарцы, сани, огороды,
купцы, лачужки, мужики,
бульвары, башни, казаки,
аптеки, магазины моды,
балконы, львы на воротах
и стаи галок на крестах.

Рисунок худ. В. Щеглова

„Старая Москва“
четыреста лет тому назад.

С рисунка известного русского художника А. М. Васнецова.
Рисунок находится в Государственной Третьяковской галлерее в Москве.

Заяц и еж

Сказка братьев Гримм

В обработке А. Введенского

Худ. А. Брей

Этой сказке, может быть, вы и не поверите. Может быть, вы скажете, что в этой сказке все выдумано. Не знаю. Все может быть.

Однако мой дедушка, когда эту сказку рассказывал, всегда говорил: „Какая-нибудь правда в сказке все-таки есть, я думаю, иначе зачем же было бы ее рассказывать?"

А дело было вот как.

Однажды в воскресенье, под конец лета, когда гречиха уже цвела, в хороший теплый, солнечный день стоял еж у дверей своего дома, сложив руки на животе, и напевал песенку. И вот, когда он пел свою песенку, пришло ему в голову сходить на поле и на свою брюкву посмотреть.

„Пока,— думает,— моя жена детей моет да одевает, я успею на поле пойти".

Пошел он на поле и встретил там зайца, который шел на свою капусту взглянуть.

Увидел еж зайца и вежливо говорит ему:

— Здравствуйте, заяц. Как вы поживаете?

А заяц вместо того, чтобы вежливо поздороваться с ежиком, говорит ему:

— Что это, еж, ты сегодня так рано рыщешь по полю?

— Погулять я вышел, — говорит еж.

— Погулять? — говорит заяц насмешливо. — По-моему с твоими кривыми ногами много не нагуляешь.

Очень обиделся еж на эти слова зайца. Он все мог простить, только не то, когда говорили о его ногах, которые и вправду были кривые.

— Не думаешь ли ты, — отвечает он зайцу,— что ты с твоими ногами быстрее и лучше бегаешь?

— Думаю, что да, — говорит заяц.

— А не хочешь ли попробовать со мной вперегонки бежать? — говорит еж.

— С тобой вперегонки? — говорит заяц. — Да это просто смешно думать, чтобы ты с твоими кривыми ногами меня обогнал.

— А вот увидишь, — говорит еж. — Увидишь, что обгоню.

— Ну, давай, бежим, — говорит заяц.

— Подожди, — говорит еж. — Сначала я схожу домой, позавтракаю, а через полчаса вернусь сюда, на это место, тогда и побежим. Ладно?

— Ладно, — ответил заяц.

Пошел еж домой. Идет и думает: „Заяц, конечно, быстрее меня бегает. Но он глуп, а я умен. Я его перехитрю".

Пришел он домой и говорит своей жене:

— Жена, одевайся поскорее, тебе придется со мной в поле итти.

— А в чем дело? — говорит жена.

— Мы с зайцем поспорили, кто быстрее бегает — он или я, — отвечает еж. — Сейчас будем бегать, так ты должна быть при этом.

— Что ты с ума сошел? — говорит жена. — Куда тебе с зайцем тягаться? Он тебя всегда обгонит.

— Не твое дело, жена, — говорит еж важно, - собирайся и пойдем. Я знаю, что делаю.

Оделась жена и пошла с ним в поле.

Вот по дороге еж и говорит ей:

— Мы побежим вперегонки по этому длинному полю. Заяц побежит по одной борозде, а я — по другой. Ты стань здесь — в конце моей борозды, а когда заяц к тебе прибежит, до конца своей борозды, ты ему крикнешь: я уже здесь. Поняла?

— Поняла, — говорит жена.

Так они и сделали. Отвел еж свою жену на конец борозды, а сам вернулся на то место, где он зайца оставил.

— Ну, что ж, — говорит заяц, — побежим?

— Побежим, — говорит еж.

Стали они каждый у начала своей борозды.

Заяц сказал: „Раз, два, три!" — и они помчались.

Еж пробежал шага три-четыре, потом вернулся не спеша на свое место и сел там спокойно.

Когда домчался заяц до конца своей борозды, крикнула ему жена ежа: „А я уже здесь!"

А надо сказать, что ежа от ежихи не отличить: до того они похожи. Удивился заяц, что еж его перегнал, и крикнул:

— Бежим теперь обратно: раз, два, три!

И опять помчался заяц, словно ветер.

А жена ежа спокойно осталась сидеть на своем месте.

Когда же добежал заяц до начала борозды, еж крикнул ему: „Я уже здесь!"

Заяц опять удивился, рассердился и крикнул:

— Ну, еще раз бежим!

— Пожалуйста, — отвечал еж. — Если хочешь, побежим еще раз.

Так семьдесят три раза заяц туда и обратно бегал. А еж все его обгонял.

Прибежит заяц к началу борозды — еж крикнет: „Я уже здесь!"

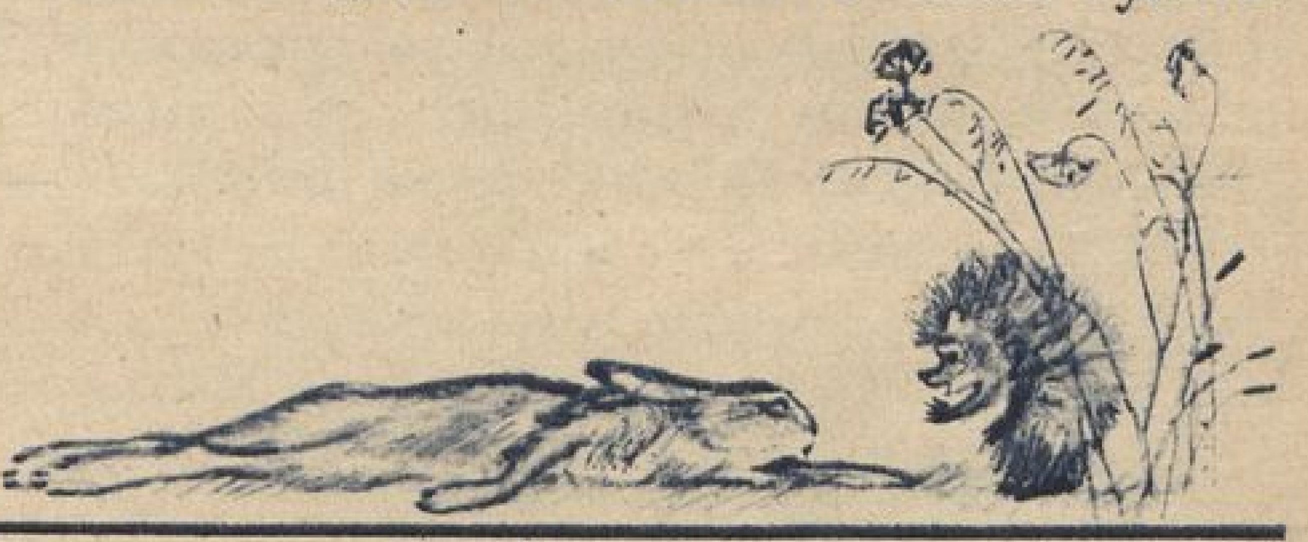
Побежит обратно к концу борозды, жена ежа крикнет: „Я уже здесь!"

На семьдесят четвертый раз заяц уж и бежать не мог.

— Сдаюсь, — говорит он ежу, — ты победил.

— Вот видишь, — говорит еж, — зря ты хвастал.

Ушел заяц с поля, а еж и жена его позвали детей и пошли с ними гулять.

ПАССАЖИР

Шутка

М. Андриевская
Худ. В. Константинов

Отец и мать весь день в тревоге.
Звонят в милицию: „У нас пропал Вадим".
А ночью их Вадим приходит невредим.
Вокруг него все суетятся:
— Ты болен? Что с тобой? Нет на тебе лица.
— Я, — говорит Вадим, — не мог с метро расстаться
и сделал... двадцать два конца!
Я в двадцать третий раз поехать собирался —
смотрю кассир за кепку взялся.
„Закрыл уж, — говорит, — я кассу, милый мой..."
Ну, вот и все. Я и пришел домой.

Я ездил на метро

Рисунок Хохловой Тани.

Это точно в сказке

Шестнадцатого мая я катался на метро. Когда я вошел в вестибюль, меня прежде всего поразила такая чистота, какой я не видел на наших вокзалах. Когда я спустился ниже, то увидел надпись:

„Осторожно! Движущаяся лестница".

Я слышал об этой лестнице, а теперь я увидел ее сам. У меня замерло сердце, когда я ступил на движущийся пол; потом вдруг стали появляться лесенки. Когда подъехали к перрону, лесенки пропали, и я опять очутился на ровном полу. Когда пол подъехал, я спрыгнул на пол и пошел к перрону. Это было точно в сказке. В это время подошел поезд.

Рисунок Славы Манухина.

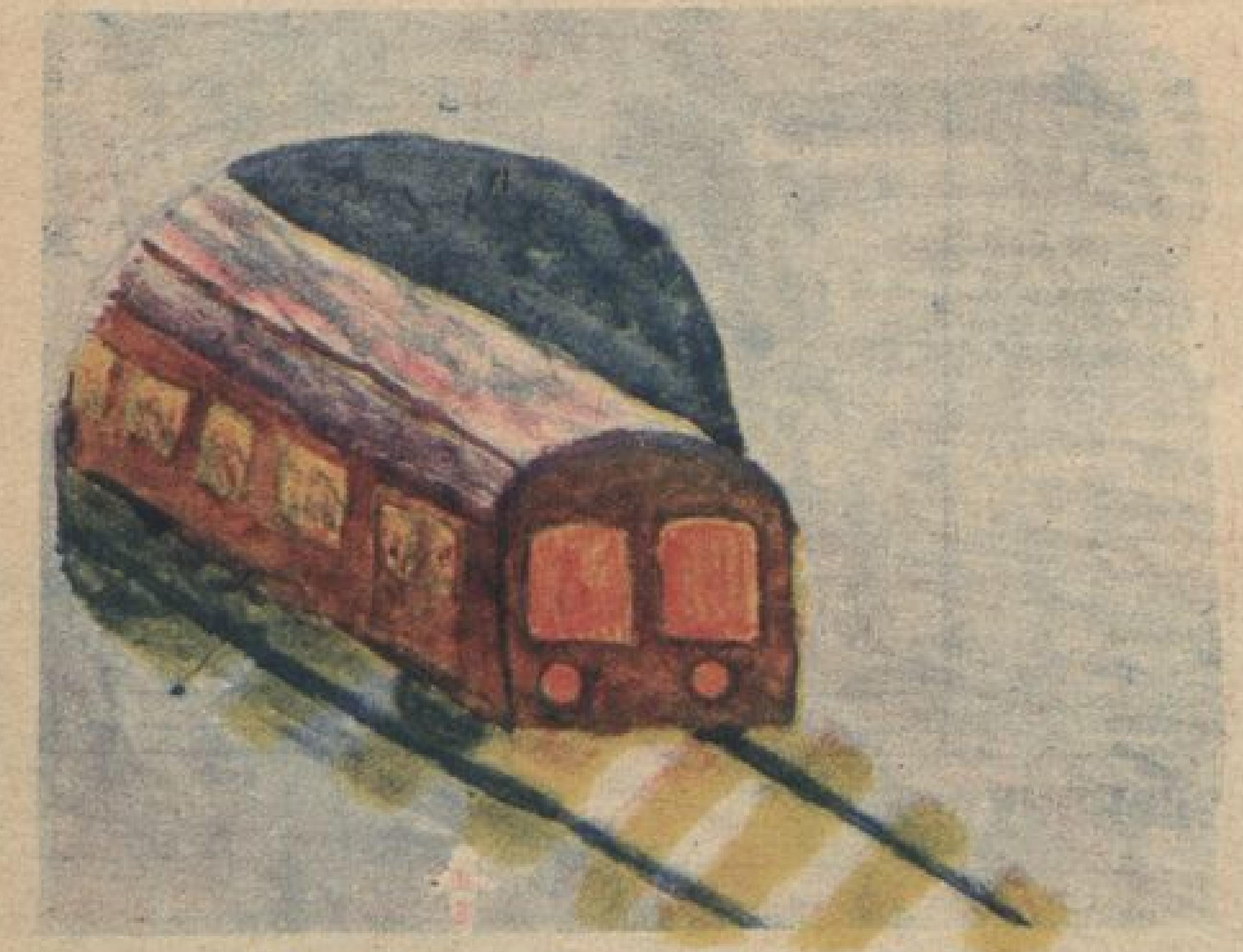

Рисунок Морозовой Вали

Ну и лестница!

Мы с мамой зашли в метро. Взяли билет до Парка культуры и отдыха. Пришли на лестницу, встали, а под нами пол. Этот пол идет вниз. Я думаю: „Ну и лестница!" Поглядела я вниз. Вижу — подо всеми лестница, и подо мною тоже. Когда мы спустились, под нами опять пол очутился. Только вышли на платформу, глядим — едет поезд. Мы только зашли туда, глядим — двери сами закрываются. Сели мы на мягкий диван и поехали. А домой мы ехали на трамвае.

Иванова Лида

Исправь опечатку в № 6 на 11-й странице в подписи под кораблем „Надежда". Фамилия адмирала Крузенштерн, а не Крузенштейн.

МЫ ВЫСТРОИЛИ МЕТРО

З. Александрова
Худ. К. Кузнецов

Сестра спускалась в шахту
в резиновых сапогах.
Подземная речка Ольховка
текла в десяти шагах.

Однажды вырвалась речка
и залила забой.
По этому месту, бабушка,
проехали мы с тобой.

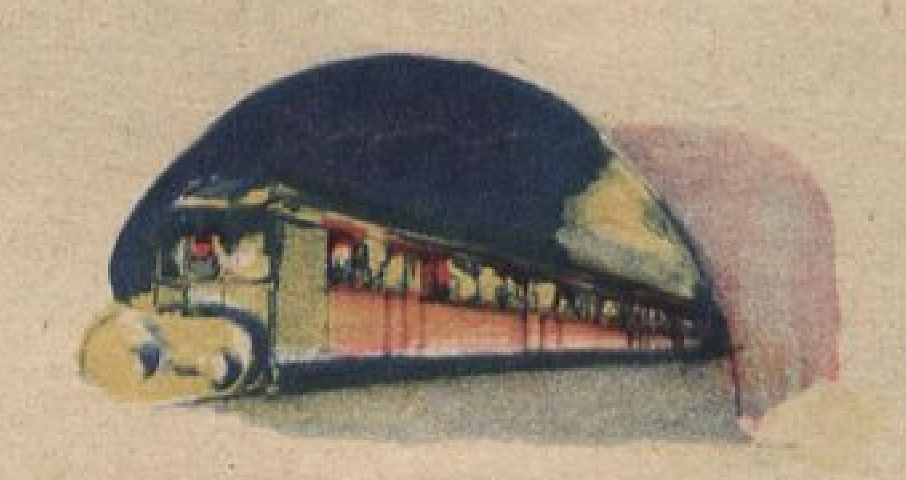
Прогнали проходчики речку—
бежит стороной звеня!
Вот здесь работал братишка,
он чуть постарше меня.

Бригаду веселых бетонщиков
вел по тоннелю он.
Видишь, нигде не капает —
это его бетон.

Поезд подходит к станции.
Бабушка, не торопись!
Поезд подводит к станции
папа наш — машинист.

Мы с бабушкой взялись за руки,
летим по лестнице вверх,
а бабушка не боится,
хотя ей страшнее всех.

Поднялись, встречаем школьников,
поглядываем хитро:
смотрите, какое хорошее
мы выстроили МЕТРО!

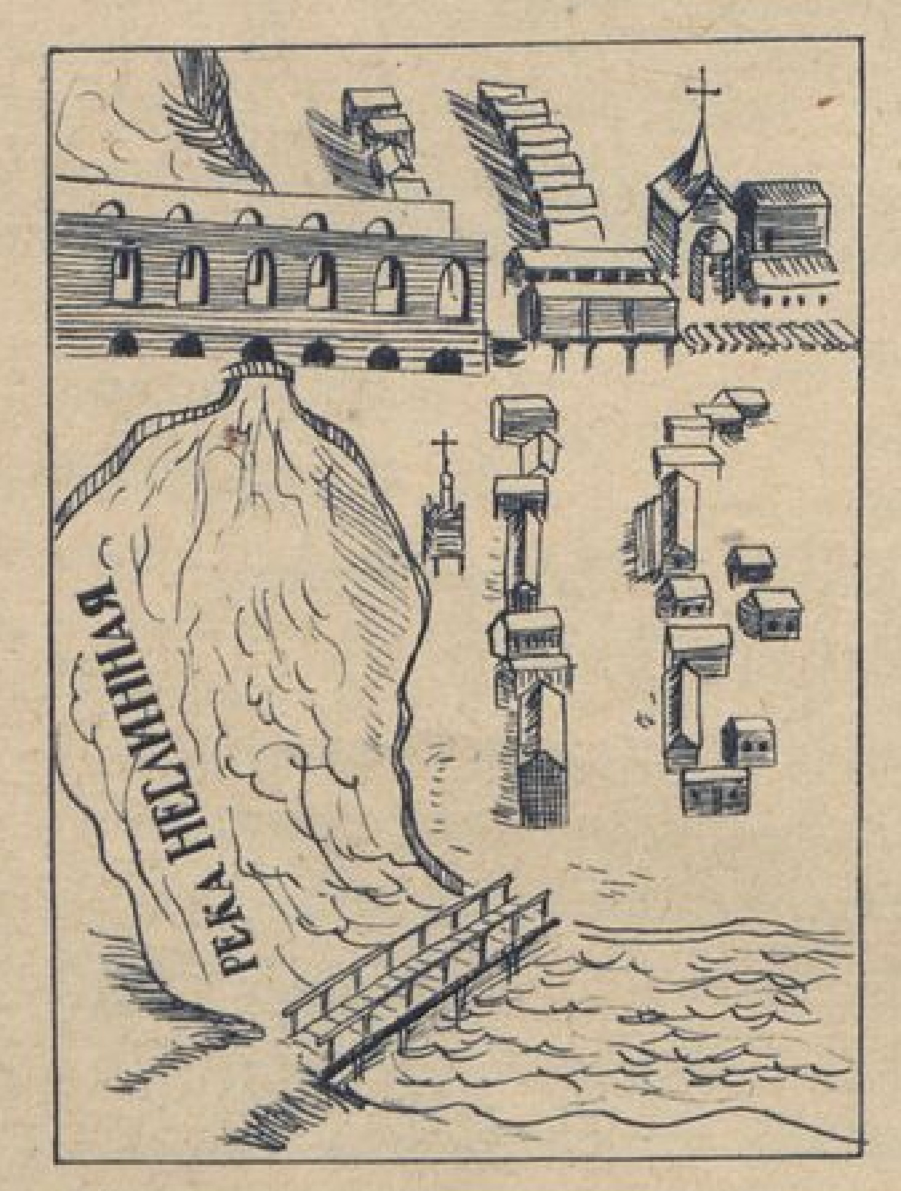

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ

*Москва четыреста лет назад.
Рисунок художника А. Васнецова.*

ПОЧЕМУ МОСКВА НАЗЫВАЕТСЯ МОСКВОЙ?

Почему Ленинград называется Ленинградом, всякий знает. А вот почему Москва называется Москвой? Оказывается, это слово не русское, а древнефинское. Ученые нашли на берегах Москва-реки старые монеты, глиняные кувшины, серебряные застежки. По этим вещам они узнали, что на месте теперешней Москвы раньше, давно-давно, жил народ—угрофинны. По-ихнему „ва“ — это вода; а „моск“ значит — мутная, черная. Если Москва сказать по-русски, получится: черная вода.

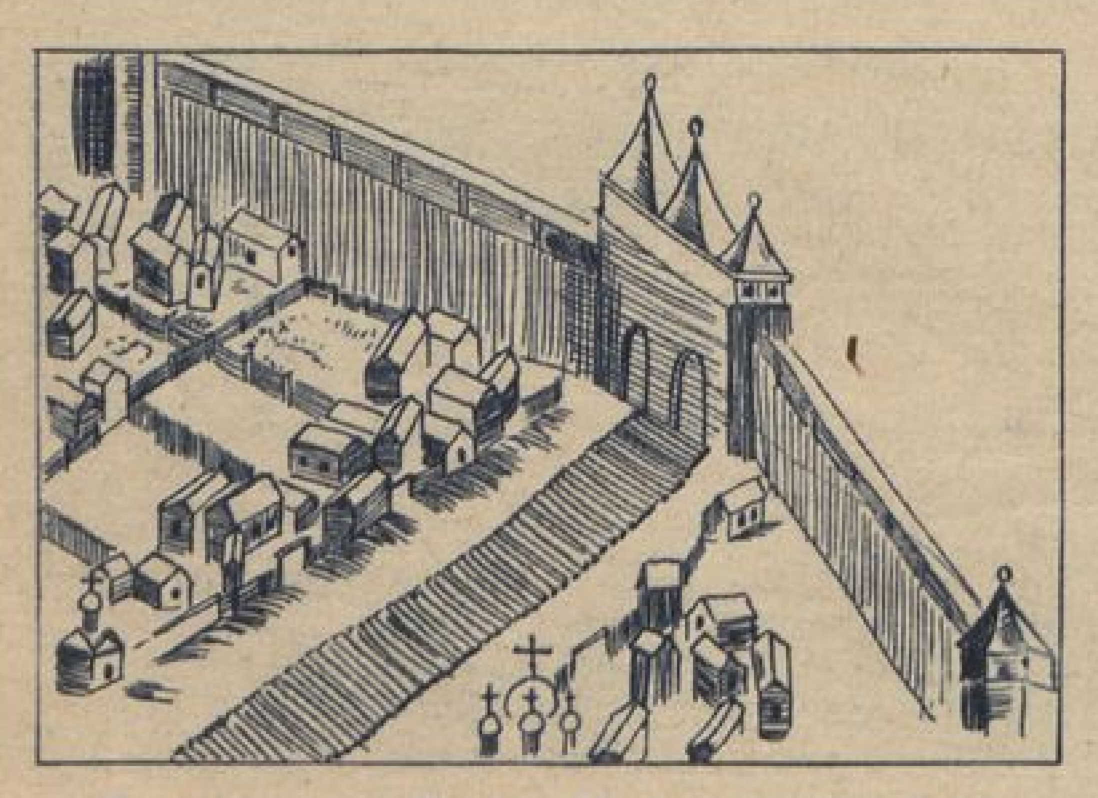

Так было в Охотном ряду четыреста лет тому назад.

СКОЛЬКО РЕК ПОД МОСКВОЙ?

Сейчас, конечно, на площадях и улицах Москвы никакой воды нет, но раньше здесь текло двадцать восемь рек. Все они были маленькие и в самом деле очень мутные. Одну речку так и называли Чешиха: кто в ней искупается, обязательно станет неделю чесаться. Теперь все 28 речек текут под Москвой. Когда рыли тоннели для метро, эти подземные реки врывались в шахты, обваливали стены. Особенно мучила метростроевцев река Черторы. Ее в старину так назвали, потому что она крутилась очень быстро, будто ее ,,чорт рыл“.

— Вот уж в самом деле настоящий Черторыл,— говорили метростроевцы, выкачивая из тоннелей воду.

Вот какая была Смоленская площадь четыреста лет тому назад.

ПОЧЕМУ В МОСКВЕ БЫЛИ СТЕНЫ?

В Москве было много рек и много стен. Сначала сосновые, потом дубовые и наконец белокаменные Кроме этих стен, по всей Москве шла красная Китайгородская стена. За Китайгородской стеной был насыпан земляной вал. Так защищались москвичи от неприятелей. Они запирали тяжелые ворота, становились на стены и обливали своих незванных гостей горячей смолой и кипятком.

В то время, лет четыреста до нас, жил в Москве ученый монах Павел Иовий. Он так и написал своим друзьям про Москву: „Окружена реками и креплена замком“.

А. Гарф

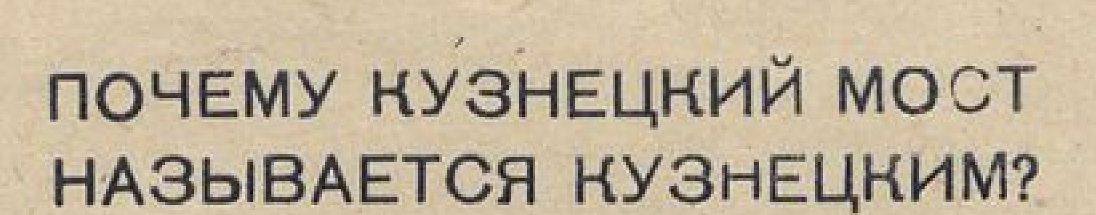
КУДА ТЕПЕРЬ ВЕДУТ ВОРОТА?

Часть огромной Китайгородской стены разобрали в прошлом году. На месте стены теперь устроена широкая площадь и липовая аллея. Липы сюда сажались сразу большие, толстые, старые. Их с корнем выкапывали на Воробьевых горах, грузили на автомашины и везли к тому месту, где была Китайгородская стена.

Теперь нет в Москве ни множества рек, ни стен с воротами. Память о них осталась только в названиях улиц: Земляной вал, Покровские ворота, Петровские ворота, Варварские ворота, Ильинские ворота. У Никольских ворот сейчас вход в станцию метро. Войдешь — тут под тобой загудит движущаяся лестница — эскалатор — и повезет вниз, под землю, к самому поезду. А поезд метро тебя домчит до Арбатских, до Мясницких ворот, где теперь Кировская улица. Вот и выходит: на местах, где раньше стояли ворота стен, сейчас возвышаются ворота метро.

Новые дома в Орликовом переулке.

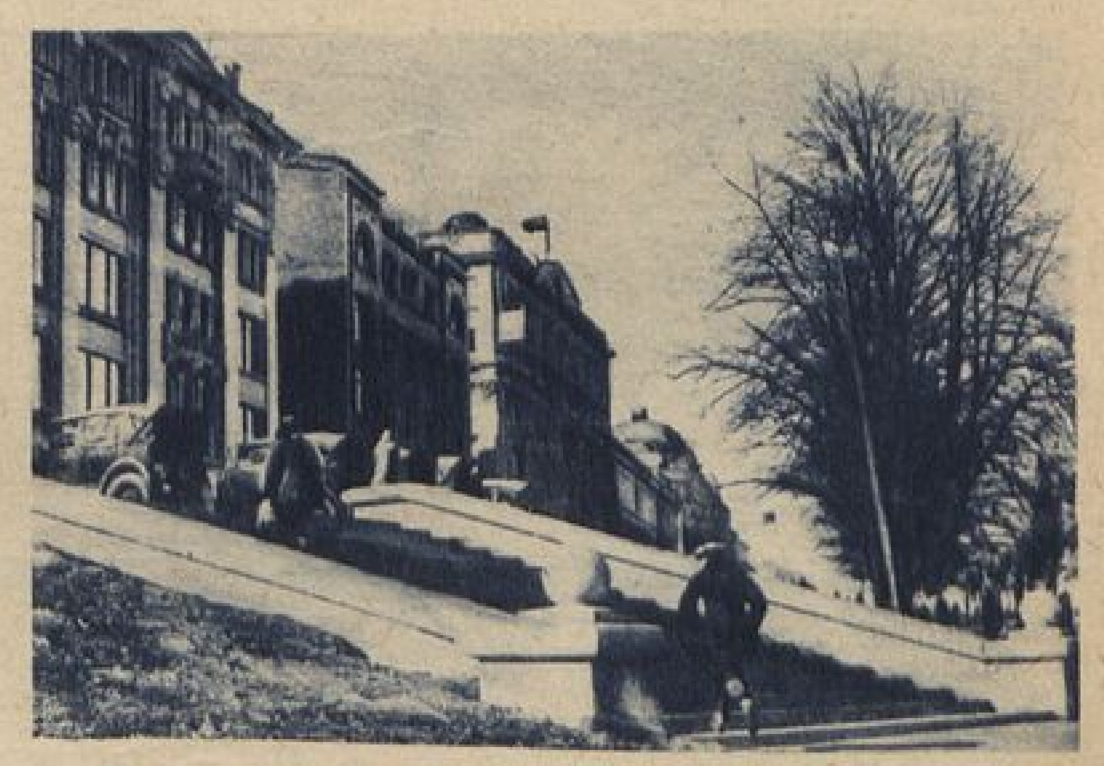
ПОЧЕМУ КУЗНЕЦКИЙ МОСТ НАЗЫВАЕТСЯ КУЗНЕЦКИМ?

Никакого моста на Кузнецком мосту нет. В Москве много таких чудес. Была река Неглинка, через эту реку Неглинку шел Каменный мост. Мост был расположен около Кузнецкой слободы, где жили кузнецы. Они работали на Пушечном дворе. Каменный мост, по которому каждый день шли на работу кузнецы, прозвали Кузнецким. Прошло с той поры много лет. Реку Неглинку взяли в трубу, в настоящую чугунную трубу. На трубе выросла площадь — Трубная. Дно реки Неглинки стало улицей Неглинной. А самая шумная, самая веселая улица Москвы — это бывший Кузнецкий мост.

Уже давно там нет никаких кузнецов, да и моста-то никакого нет, а все равно улица называется попрежнему Кузнецкий мост. И пушек на Пушечном дворе уж лет четыреста не льют, и где был этот двор, мало кто знает. Здесь сейчас пассаж, магазины с огромными витринами, а улица все еще называется Пушечная.

Дом правительства на берегу Москва-реки.

Лубянский проспект. Здесь раньше была Китайгородская стена.

Цена 50 коп.

ТРОШКА НЕДОВОЛЕН

Говорят, что на метро
все удобно и хитро.
Ничего подобного,
ничего удобного!

Там, как будто мне назло,
слишком чисто и светло.
Потолки высокие,
лестницы широкие.

Захотел я посорить —
стала совесть говорить.
Захотел я поплевать —
начал стыд одолевать.
Прямо я расстроился:
и зачем он строился?

Выхожу я на перрон —
вижу новенький вагон.
Дохожу до кончика
этого вагончика,
а подножек не найду.
Как же прыгать на ходу?

Я по лестнице качу,
задержать ее хочу.
Начал задом пятиться,
а она все катится.
Что же тут занятного?
Ничего приятного.

Я диковинный вагон
обежал со всех сторон:
хоть бы выступ чутошный,
хоть бы буфер шуточный, —
не уцепишься никак.
Неужели ехать так?

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.
Сдано в набор 27/V 1935 г. Подписано к печати 17/VI 1935 г. Объем 3 печ. листа. Ст. формат 62 × 94⅛ листа.
Уполном. Главлита Б-5710. Заказ № 2086. Тираж 150.250.
Детгиз № 372 Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.